

А Цзю скучающе пожал плечами, бросив презрительный взгляд в сторону управляющего Ляна, после чего вернулся на своё место и принялся уплетать сладости.

Как и ожидалось, не успел он опустошить и половины блюда, как послышались торопливые шаги приближающегося Ляна.

— Молодые герои, в нашем доме случилось беда. Не знаю, стоит ли мне об этом говорить...

А Цзю, раздражённый тем, что не сумел выведать ничего у Тан Шаотана, тут же перевёл досаду на управляющего: «Не стоит — так и не говори».

Лян, срезанный на полуслове, растерялся. Мысленно он костерил А Цзю: мол, молодой господин гуляет на стороне, отказываясь возвращаться, а эти двое, сами его притащив, теперь вдруг чинность изображают? Все его заготовленные вежливые речи пошли прахом. Неловко помолчав, он наконец повернулся к Тан Шаотану и сделал почтительный жест.

— От имени моего господина осмелюсь обратиться с неловкой просьбой.

Видя, что Лян всё тянет с пустыми церемониями, А Цзю нагло перебил его снова: «Раз знаешь, что просьба неловкая, зачем тогда беспокоить? У семьи Фань вообще есть совесть?»

Его злило всё больше: он сам ещё не успел вытянуть из Тан Шаотана секреты, а тот уже вынудил его проговориться.

Ляна, которого раз за разом грубо обрывали, внутри переворачивалось всё, вплоть до прадедов. Он вытер рукавом холодный пот со лба, силясь сохранить на лице улыбку. Ничтожество без имени и звания смеет строить рожи в доме Фань? Не дорожит жизнью!

Не в силах дольше терпеть эту жалкую улыбку, Тан Шаотан подал управляющему спасительную соломинку: «В чём дело?»

Боясь, что А Цзю снова влезет, Лян, не переводя дух, выпалил всё как есть.

По его словам, старейшина семьи Фань, Фань Цзэчэн, был большим благотворителем: под конец года всегда закупал в окрестных уездах зерно и в удачный день раздавал кашу и подарки простолюдинам. Благое дело обернулось в этом году бедой: более десяти повозок с рисом были перехвачены в пути неизвестными, пострадал и сопровождающий караван. Что хуже всего, среди сопровождающих была Чжу Линь, невеста Фань Мина.

— Положение отчаянное, а господина нет на месте. Пришлось мне брать инициативу — умоляю вас, герои, помочь!

Лян говорил с такой искренностью, будто вот-вот рухнет на колени.

Выслушав, А Цзю наконец оставил дурацкие шутки и спросил по-человечески: «Когда это случилось?»

— Только что получили весть. Видимо, прошлой ночью.

А Цзю насторожился: «Прошлой ночью? В уезде Ланьпин?»

— Именно так, на берегу реки Нинлюй за Ланьпином.

А Цзю ехидно протянул: «А-а...» — и, растянув губы в улыбке, уставился на Ляна так, что у того

мурашки по спине побежали.

— Медлить нельзя. Не могли бы вы...

Тан Шаотан перебил твёрдо: «Хорошо, я поеду».

А Цзю: «?»

Весь этот путь решения всегда принимал он. Почему Тан Шаотан вдруг проявил рвение? Неужто в Павильоне Радужных Одежей учат бескорыстной помощи?

Тан Шаотан в двух словах выяснил у Ляна направление, развернулся — и в мгновение ока скрылся, пустив в ход своё феноменальное лёгкое искусство. Стремительно, будто от погони убегал.

...

Средь бела дня Тан Шаотан, полагаясь на своё превосходное мастерство, носился по оживлённым улицам, взлетая на крыши и снова спускаясь, — и никто его не замечал.

А он и вправду бежал.

За эти несколько дней с А Цзю тот то и дело, словно наставник, ломал его устоявшиеся представления, заставляя задуматься о жизни, то загадывал загадки, говоря полуправду-полуложь. Все те пёстрые знания, что он с таким трудом вбивал себе в голову в Павильоне Радужных Одежд, не стоили и доли тех душевных сил, что уходили на словесные баталии с А Цзю.

«Перебить всю семью Фань» — он говорил это всерьёз?

Если да, то зачем тогда защищал Фань Сяо всю дорогу?

Если нет, то зачем испытывать его такими словами?

Неужели он знает, кто он? Откуда?

Голова у Тан Шаотана шла кругом. Двадцать лет он учился не слышать, не спрашивать, не думать, только повиноваться. А теперь перед ним стоял А Цзю, весь — одна сплошная загадка, вынуждающая его думать, строить догадки, принимать решения — иначе ждёт худший конец.

Ему вдруг показалось, что если он и дальше будет так беседовать с А Цзю, то точно сойдёт с ума. Поэтому внезапная просьба Ляна пришлась как нельзя кстати, дав ему и предлог уклониться, и лазейку для бегства.

Не заметив того, он уже достиг по реке Нинлюй места, описанного управляющим.

На месте царила мёртвая тишина.

Разбитые повозки, повсюду следы борьбы, кровь и беспорядочно разбросанные тела — всё говорило о жестокой схватке.

— Герой, ты так лихо мчался — спасти кого-то торопился?

Чтобы, не запыхавшись и сердце не выскакивая, поспеть за знаменитым призрачным

искусством Павильона Радужных Одеж, в этом мире, возможно, и найдутся такие богатыри. Но лёгкое искусство Тан Шаотана было лучшим среди лучших в Павильоне, тем, что превзошло учителей. Тех, кто мог бы нагнать его без видимых усилий, в мире быть не должно.

А Цзю оказался одним из них.

Тан Шаотан смутно припоминал, как при первой встрече А Цзю намеренно держался на расстоянии, делая вид, что с лёгким искусством у него неважно. А теперь что — устал скрывать лезвие?

В это время А Цзю, не особо утруждаясь притворством, с важным видом принялся пересчитывать тела.

— Раз, два... пять... семь. — Загнув пальцы, он показал Тан Шаотану восемь. — Я у старика Ляна выяснил: всего было четырнадцать охранников и девушка Чжу. Семь мертвы, восемь живы. Если хочешь спасти — поторопись.

Тан Шаотан смотрел на него с сомнением.

Тот говорил, что хочет уничтожить семью Фань. Станет ли он мешать ему спасти людей?

А Цзю, разглядывая тела, добавил: «Даже если ты, как и я, жаждешь крови — тоже поторопись».

Тан Шаотан: «Что ты имеешь в виду?»

А Цзю: «На земле лежат только охранники, ни одного грабителя. Тебе не кажется это странным?» Он обошёл повозку кругом. «Если бы силы были так неравны, разве грабители позволили бы восьмерым сбежать?»

Тан Шаотан: «Думаешь, здесь что-то нечисто?»

А Цзю: «Не то слово. Глянь-ка». Он вытащил из-за опрокинутой повозки мешок риса, зачерпнул горсть белых зёрен и позволил им соскользнуть сквозь пальцы. Усмехнувшись, сказал: «Грабители, что ограбили зерно, — только зерно и оставили. По-твоему, не странно?»

Странно, и вправду странно.

И то, что А Цзю, то и дело призывая поторопиться, сам развалился на покосившейся повозке, закинув ногу на ногу, и играл с рисом, — тоже было странно.

Видя, что Тан Шаотан не уходит, А Цзю спросил: «Что, не идёшь? Ещё помедлишь — догоняющие появятся». Он перебирал рис руками, словно вполсердца тренируя тайный стиль «железной ладони», — взрослый мужчина, а дурачится как дитя.

— Полагаю, эта братия, даже если ползёт черепашьям шагом, уже должна бы подоспевать.

Едва он договорил, как «догоняющие», о которых он говорил, наконец появились. Все в масках, в простой серой холщовой одежде, происхождение неясно. Лишь глаза, выглядывающие из-под масок, горели убийственной решимостью, ясно давая понять: они пришли не разговаривать, а отрезать головы.

А Цзю, сидя в беззаботной позе и перебирая рис, выглядел куда более лёгкой мишенью, чем Тан Шаотан. Но, похоже, эти люди в масках заранее определили свою цель — все их мечи

полетели к одному Тан Шаотану.

А Цзю «хм?» перекинул ногу и продолжил сидеть, затем вдруг «о-о~» протянул, сам для себя придя к двум вопросам.

Эти люди хотят убить Вопрошающего об именах или же выдуманного им молодого героя Жуаня?

Пока А Цзю от скуки размышлял о происхождении людей в масках, Тан Шаотан действовал с быстротой молнии, круша всех направо и налево.

Тан Шаотан — с первого взгляда казался человеком благородного происхождения, от него не веяло ни капли зла. Но стоило ему взяться за меч, и знающий человек понимал: нет. Убийца, возвращённый Павильоном Радужных Одежд, действовал жестоко, каждый удар был на смерть, свирепостью не уступая Ши Вэню из Павильона Ушоу. Никакого благородства.

<http://bllate.org/book/16258/1462686>